

Пасть - волчья, а тело - человеческое

ФРАНЦУЗСКАЯ балетная труппа "Компани Кристи́н БАСТЭ́Н" показала в "Балтийском доме" спектакль "Волчья пасть". Трудно определить жанр этого произведения. Скорее всего это - нечто среднее между балетом и пьесой абсурда. "Волчья пасть" и похожа (и не похожа) на пьесы таких драматургов, как Сэмюэл Беккет, Фернандо Аррабаль, Тадеуш Ружевич и даже Максим Горький.

ЕСЛИ взять пьесу "На дне", сократить количество персонажей до пяти и лишить их имен, оставив только "эмоциональные знаки", то и получится "Волчья пасть", персонажи которой (мечтатель, верующий, живой, любящая и скорбящая) не живут, а пребывают в "постоянной схватке с собственной животной сутью".

Когда-то много веков тому назад Гамлет провозгласил во всеуслышание, что "Дания - тюрьма, и при том наихудшая". Герои "Волчьей пасти" могли бы теперь возразить, если бы у них хватило сил, что "тело - тюрьма, и при том беспроектная".

Художник Филипп Мейнар создал особое пространство для сомнамбулических движений пяти персонажей с "агрессивно-комической пластикой".

Каждый из них живет в замкнутом мире, где нет причин и следствий, добра и зла, а есть только низшие двигательные реакции. В спектакле нет положительных героев. Верующий (он же - святой или дурачок) время от времени декламирует библейские тексты и стонет, как раненый зверь. Или вдруг начинает слушать музыкальные передачи на непонятном языке, черпая в них неведомую силу.

Чаще всего он вмешивается в ссоры своих товарищей, останавливает их бред, разделяет любовников, если они заходят слишком далеко.

На сцене только охалка соломой, скатанный матрас и обшарпанный балкон. Есть еще стена или покосившийся забор, сквозь который пробиваются лучи прожектора и скреживаются на голом полу... В этом холодном и необжитом пространстве и разворачивается "драма телесности", которая так волнует Кристи́н Бастэ́н.

Я не случайно упомянул про "телесность". Танцев в обычном смысле слова нет в "Волчьей пасти". Есть только схватки "тореодоров" и "гладиаторов". Есть попытки изнасилований и борьба не на жизнь,

а на смерть... Все персонажи "Волчьей пасти" истеричны: они то нападают, то уклоняются, то бунтуют, а то и просто покоряются судьбе.

В традиционных танцах актер как бы чертит своим телом какие-то графические фигуры в пространстве. У Кристи́н Бастэ́н все герои (живые и скорбящие) выплескивают энергию чувственности, не поддающуюся рассудочному контролю. Действительно трудно понять логику поступков Паскаля Аллио, Катарина Бадэр, Аньес Дюфур, Доминика Коллиньона Морэна и Сержа Амбера. Оказавшись на дне жизни, в "Волчьей пас-

лесности, а любящая (Катарина Бадэр) живет одним желанием найти свою половину...

Критики уже отмечали, что для творчества Кристи́н Бастэ́н характерно стремление "столкнуть танец и драматический театр". Но это слишком общая формулировка. Скорее всего, Кристи́н Бастэ́н занимается выяснением механизмов (идей и комплексов), формирующих различные типы телесности. Если бы действие "Волчьей пасти" происходило в среде аристократов, то и телесность была бы совершенно иной. Перефразируя известный афоризм, можно сказать так: не знающий иностранного языка никогда не поймет молчания иностранца. Не знающий языка тела (его спонтанных и непредсказуемых реакций) до конца дней своих останется одиноким.

К другому можно "прорваться" не путем философских раз-

ти" бытия, они демонстрируют "драматургию тела", манифестируют определенные типы "телесного мышления". Вот и мечтатель (по версии Кристи́н Бастэ́н) - это скорее всего "рохля", ни рыба ни мясо. Скорбящая (Аньес Дюфур) тяготеет к мазохистским проявлениям те-

мышлений, утверждает Кристи́н Бастэ́н, а лишь играя "на разрыв аорты". Когда над человеком (и актером) уже не властен страх, шок, эйфория, аффект, болезнь и смерть...

Михаил КУЗЬМИН

Фото Валентина ИЛЮШИНА